

что и уважаю ихъ. Только изъ двухъ великихъ проявленій чело-вѣческаго духа предпочитаю первое, потому что оно цѣльнѣе, искреннѣе и представляетъ собою полное и законченное выраженіе христіанскаго міросозерцанія безъ постороннихъ примѣсей.

Однако я отвлекся совершенно въ сторону, и потому спѣшу возвратиться. Мнѣ особенно понравилось устройство скульптурнаго музея; правда, тамъ было еще мало оригиналовъ, зато было сдѣлано все возможное, чтобы музей былъ доступенъ для массы, нуждающейся въ художественномъ воспитаніи. Гипсовые снимки съ лучшихъ твореній были разставлены согласно ходу развитія искусства; конечно, тутъ многого недоставало; но все-таки собраніе было довольно полное и соответствовало величинѣ помѣщенія.

Я остановился передъ фресками Каульбаха, къ которому уже успѣлъ охладѣть, вслѣдствіе его реторичности. Лучшая изъ четырехъ громадныхъ фресокъ—это Hunnen-Schlacht. Тутъ Каульбахъ является болѣе самимъ собою.

Пошелъ я и въ академію художествъ, и былъ крайне удивленъ, увидѣвъ тамъ все то же, что и въ нашей академіи: у натурщиковъ тѣ же позы, въ искусствѣ та же манера, композиціи на тѣ же заданныя темы, та же условность... Нѣсколько лѣтъ спустя, я былъ не менѣе пораженъ, когда въ флорентинской академіи художествъ увидѣлъ опять то же самое... Точно международный заговоръ противъ родного искусства!

Осмотрѣвъ все то, что главнымъ образомъ меня интересовало, пошелъ взглянуть на городъ. Берлинъ теперь не то, чѣмъ былъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь сколько прелести въ его архитектурѣ, какое разнообразіе! Какія чудеса теперь дѣлаютъ изъ терракоты, перемѣшивая ее то съ гранитомъ, то съ позолотой, а то просто съ какою-нибудь легкою окраской. Но тогда было не то. Я помню мой тогдашній вѣздъ въ Берлинъ. Извозчикъ везъ меня долго и медленно все мимо какихъ-то заборовъ. Это меня удивило, и я спросилъ извозчика:—„Это Берлинъ?“—„Nei“, неохотно отвѣчалъ онъ.—„А что это?“—„Langenstrasse“.—„Гдѣ же находится Langenstrasse?“—„In Berlin“.

Не стану описывать тебѣ самого города—это будетъ одинаково утомительно какъ для тебя, такъ и для меня. Скажу только, что тогда онъ носилъ вполнѣ заслуженное названіе „казармы“. Монументъ Фридриха II хорошъ, но на половину, а именно, сама конная статуя; къ трехъ-этажному пьедесталу съ условными барельефами я уже тогда питалъ инстинктивное отвращеніе. Тутъ выходитъ, что не пьедесталъ для статуи, а статуя для пьедестала.